

Астрадени Джейн

ЛЕГЕНДЫ КОСМОСА

**СОЗВЕЗДИЕ
МЕЧА**

ЧАСТЬ 1

Легенды космоса

Джейн Астрадени

Созвездие Меча. Часть 1

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Астрадени Д.

Созвездие Меча. Часть 1 / Д. Астрадени — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Легенды космоса)

Вот и завершилось Большое космическое путешествие... А для путешественников всё только начинается! Межгалактическая конференция, пространственная аномалия, вторжение инопланетян, переполох на космической станции... И это только начало!

© Астрадени Д.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Зачин...	6
Сезон 1. Вихрь неизбежности	13
Звёздная дата – 1.1. Испытания	14
1.1.1. – Инструктаж!	14
1.1.2. – Земляне не сдаются!	17
1.1.3. – Эр ру-джамрану!	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Джейн Астрадени

Созвездие Меча. Часть 1

«Даже на едва уловимый вздох вселенная отзовется... Роковым эхом!

В любом уголке космоса».

РуМартин – галактический пилот

Сага о героях звёзд, грандиозных открытиях и величайших победах

Зачин...

– Фиксирую астрономическое время и начинаю отсчёт, – голос инженера торжественно гремел в динамиках звездокатера.

– Нас только двое, – поморщился учёный и убавил громкость. – Прекрати вещать. Просто отметь показания приборов.

– А Вселенная? – возразил Егор. – Как самая вероятная свидетельница.

– Как бы не превратилась в пострадавшую, – усмехнулся Фиримин. – Если так нужна аудитория, обратись к туманности. Вдруг, филиноиды уловят.

– Ничего вы, шакрены, не смыслите в романтике испытательного момента! – рассмеялся Хрусталёв. – Мы же впервые в истории галактики забрасываем пробный шар!

– Не шар, а «вихревой аномальный мета-преобразователь».

Инженер закатил глаза.

– Это земная метафора... Даром, что капитан Талех вас приобщил.

– Таких жертв от нас он не требовал.

Егор вздохнул. Этих самрай-шак не поймёшь, – когда они шутят, а когда говорят всерьёз.

– Ладно. Хотя бы не мешай вести бортовой журнал. И так! Мы находимся в пределах двести шестьдесят восьмого пространственного градуса ипсилон квадранта относительно Дельфы. Временной радиус по астрогринвичу...

– Астро... Чему? – недоумённо переспросил Фиримин.

– Астрогринвичу, – повторил Хрусталёв. – Это – нулевая точка отсчёта в квадратичной космической сетке относительно нулевого меридиана Земли...

– Что-то не возьму в толк, – засомневался шакрен. – Где Земля, а где Ардиум-система...

– Ардиум-то? Как раз в ипсилон квадранте, – рассеянно откликнулся инженер, сверяя координатную сетку с угловыми измерениями на верхнем синергетическом табло.

– Так вот... Земля не подходит для точки отсчёта. Слишком далеко отсюда и вращается вокруг Солнца.

Фиримин откровенно не понимал земных учёных. Почему народ с отсталой и отдалённой планеты упорно мнит себя центром мироздания?..

– Есть! – заорал Егор, едва не оглушив шакрена.

Куда там динамикам!

Но одно шакренионцы чётко уяснили – чем дальше индивидуумы обитают от центра галактики, тем вопят громче.

– Точно в цель! – ликовал инженер. – Ура!

– Надеюсь, ты зарядил не весь образец? – поинтересовался Фиримин, подозрительно разглядывая коллегу.

– Не-а, половину, – ответил тот, с азартом вперившись в экран.

– Половину?!!!

– Конечно, – Хрусталёв усмехнулся. – Или я похож на идиота? Это же только предварительный эксперимент...

Шакрен застонал и схватился за лоб.

«Как неразумно!»

– ...Остальное сохранил для синтеза и контрольного испытания.

– Следовало же постепенно наращивать...

Егор хмыкнул, довольно откидываясь на спинку кресла.

– Вам – цефейцам не дано оценить всю прелесть научного риска.

Он бесцеремонно хлопнул коллегу по плечу.

– Причём тут риск?! – возмутился шакрен, отстраняясь и с трудом удерживая своего ндарима от членовредительства.

– И никакие мы не цефейцы.

– Ошибаешься! Ваше светило входит в пятиугольник Цефея... По крайней мере, с нашего угла обзора.

– Пора бы некоторым постичь, что у шакренов иная астрометрия вселенной. Мы не воспринимаем отдельные фигуры, а соединяем звёзды в единый узор мироздания.

– Да ладно тебе, – примирительно улыбнулся Егор, ни капли не устыдившись. – Общая карта созвездий принята астрографическим объединением конгломерата.

– Не будем спорить, – дипломатично предложил Фиримин. – Следы за приборами. Многовато зарядил. Образцы нестабильны.

– Пока всё в порядке. Ждём, – землянин наткнулся на встревоженный взгляд шакренионца и заверил. – Риктонитовое ядро стабилизирует распад, а каркас удержит аномалию в приемлемом радиусе и не даст развернуть оптимальную точку до срока... О-ох...

Короткая вспышка ослепила мониторы, заливая верхнее табло. Осветила взволнованные лица испытателей, выстрелила голубыми лучами и превратилась в белое «веретено» с искрящимися «нитями»...

Учёные зачаровано уставились на экран, ожидая появления воронки.

«Веретено» покружилось и пропало, так же внезапно, как и появилось.

– Рано, – Шакрен нахмурился и покачал головой.

– И это всё? – разочарованно протянул Егор. – Эх! Мало... Надо бы весь арсенал...

– Нет! – воскликнул Фиримин. – Нет!.. Подождём ещё. Возможна... Отсроченная реакция.

– Лады, – согласился Хрусталёв. Ему и самому было интересно.

Целый стандартный ролдонский час или одну седьмую шакренского «дневного пути», они развлекались тем, что тарасились на звёзды, дегустируя энергетические коктейли из окезской провинции Попьюлоза...

«На травках», – хихикал инженер.

И следили за показаниями приборов.

– Пора, – вздохнул Фиримин, когда в пространстве так ничего и не изменилось. – Пора возвращаться на базу.

– Погоди! – воскликнул Егор, внезапно хватая шакрена за руку.

– Что... – начал было тот, но уже и сам заметил, на переднем экране.

От предполагаемой оптимальной точки отделились три жёлтых огонька и устремились к звездокатеру.

– Что это? – шакрен удачно перефразировал вопрос.

«Хотелось бы знать» – подумал Хрусталёв и бодренько так ответил:

– Привет от аномалии! Что бы ни было, оно движется к нам.

– Вселенная откликнулась, – предположил Фиримин. – Почувствуй неладное.

– Ого, а шакрены, оказывается, умеют шутить, – хмыкнул Егор.

Учёный возмущённо уставился на инженера.

– Я – серьёзно...

– Слева по борту, – вскоре засёк Хрусталёв. – Очень близко.

Неопознанный объект приблизился и двинулся вдоль катера, намереваясь его обойти.

– У этой штуки вероятно датчики на препятствие... Посмотрим, кто это решился нас навестить...

– Не стоит, – предостерёг шакрен.

Егор с сомнением покосился на Фиримина.

«А с виду мужик как мужик...».

И пробубнил:

– Как с вами самрай-шаками тяжело.

Фиримин нахмурился.

– Ладно. Тащи на борт...

«Что ни попадя».

– Вот теперь вижу – наш человек! – ухмыльнулся инженер.

– Я – шакрен!

Егор обрадовался и втянул неизвестную штуку в трюм, лихо управляя бортовыми захватами.

– Интересно, что за фиговина...

– Я первый!..

Исследователи наперегонки ринулись в нижний отсек и затормозили там в замешательстве перед неведомой штуковиной. По виду это отдалённо напоминало спасательную капсулу, только чересчур маленькую. Шишковидное нечто преспокойно стояло в круге защитного поля и помигивало огоньками.

– Что же там внутри? – пробормотал Фиримин.

Егор почесал затылок, обошёл загадочный предмет и потёр переносицу. В результате этого таинственного ритуала, который шакрен неоднократно тщился разгадать, инженера осенило:

– Кажется... Это же миди-кип*! Я знаю, что там!

Невзирая на запоздалые протесты учёного, моментом отключил защитное поле и очутился возле миди-кипа...

– Нет!

И его вскрыл.

– А сканер на что? – досадливо проворчал шакрен.

– Поздно, – сообщил инженер, убирая в сторону крышку.

Под ней оказался изоляционный слой – плотная рифлёная оболочка с синими прожилками.

– Кокон, – определил инженер.

Фиримин заинтересовано моргнул, отложил сканер и подошёл. Едва Хрусталёв дотронулся до поперечной складки, как она разошлась подобно застёжке молнии, и кокон раскрылся.

– Органическая прослойка... – начал учёный и удивлённо осёкся.

В мягком углублении миди-кипа спал младенец, смешно посапывая, и улыбаясь во сне.

– Вот так! Вместо аномалии, у нас чудо-ребёнок? – хохотнул инженер, тихонько, чтобы не разбудить найдёныша.

– Появление одинокого ребёнка в ореоле туманности уже само по себе аномалия, – веско заметил шакрен.

– Вряд ли. Обычное дело. Скорей всего, где-то неподалёку прошло линдрийское судно. И совсем недавно.

– А причём здесь линдрии, – недоумевал Фиримин, – и маленький землянин?

– Он таковым лишь выглядит, – улыбнулся Егор. – Тебе ли не знать?

Фиримин присмотрелся к младенцу... Тонкая синяя, немного размытая линия проходила через подбородок, нос и лоб малыша, разделяя лицо как бы на две половинки, и терялась в золотистом пушке на макушке... Знак новорожденного линдрии. Исчезнет, когда ребёнку исполнится цикл, а через много лет снова появится, предупреждая о первом окукливании.

– И то верно. Чего это землянину делать в линдрийском коконе.

– Чем-то запахло, – скривился Хрусталёв. – Фу-у!

– Им? – шакрен указал на младенца.

– Едва ли, – Егор присел на корточки рядом с миди-кипом. – Ребяёнок же в ана-подгузнике... Хотя... Чем это его намазали?

Инженер пристально изучил ребёнка, покрытого слоем пахучей мази – какого-то питательного субстрата. И сладковатый запах постепенно расплзлся по трюму. А к тельцу младенца крепились присоски, подведённые трубчатыми волокнами...

– Похоже, мальчика порядочно оснастили.

Фиримин присел рядом, притерпевшись к запаху.

– И кто ты у нас? – Егор протянул руку, но вдруг заколебался. – Знаешь, Фир, думаю, не стоит трогать ана-подгузник. И так видно, что мальчик, вроде бы...

Шакрен только пожал плечами. Ему не нравилось, когда сокращали его имя.

– Или нет... Но, кажись, таки парень... А ты в этом понимаешь?

– Ясно одно – оно не вея, – Фиримин еле сдержал улыбку. – Я уверен. Поскольку сам родитель.

– Вот так? Гм... Раз опыт размножения у тебя имеется... – задумчиво протянул инженер. – Неужто разбираешься и в последствиях?

– Немного... Когда заканчивается период кормления, сари-шак передают старшему рода.

– Но это – линдри и, вероятно, мальчик... Постой! У него тут голо-метрика!

Востроглазый Егор заметил треугольную коробочку на предплечье ребёнка и осторожно её коснулся. Над колыбелькой миди-кипа возникла голограмма. Значки, символы, буквы... И поскольку учёные регулярно прививались сывороткой перевода, то без труда прочли:

– «РуМаартан».

– Так его зовут? – неуверенно предположил шакрен.

– Да, по ходу это имя, – подтвердил землянин. – Почти как Мартин, по-нашему. И точно мальчик!

– Здесь ещё цифры, – отметил Фиримин.

– Дата. И не сегодняшняя. Скорей всего... Дата рождения! Ему не больше фазы. Довольно крепкий на вид!.. Имя, дата... Это всё-таки хорошо, но...

– В каком смысле? – шакрен недоумённо приподнял брови, сказав налобный узор.

«Что хорошего в потере ребёнка?»

– Ну, в том, что когда-нибудь его родители, захотят найти отпрыска... А больше никаких данных, – рассуждал инженер. – Совсем никаких сведений... То есть, они не рассчитывают, что ребёнок сам отыщет их.

– Что-то я не понял, – нахмурился Фиримин.

Егор задумчиво посмотрел на него и хлопнул себя ладонью по лбу:

– Так ты не в курсе?!

– О чём?

– Как ребёнок здесь очутился.

– Ни малейшей догадки. Сами собой в открытом космосе младенцы не растут. Даже в коконах. Могут лишь предположить, что корабль потерпел крушение и... – шакрен уставился на Хрусталёва. – Они не успели послать сигнал бедствия! Надо немедленно сообщить в агентство космических аварий! Вдруг его уже ищут...

– Так, понятно, – землянин рассмеялся и озадаченно покрутил головой. – Ты давно с гор спустился?

– Откуда?

– То бишь вышел из степей-городов или... Откуда вы там попадаете в бескрайний безжалостный мир? Во! Из Обители Шакрениона. По слухам, она находится в горах.

– В горах лишь Дар Шакренар*, – сдержанно уточнил Фиримин. – Остальные шестнадцать самдакиров* разбросаны по всей планете. Я, как потомственный исследователь, учился в предгорьях Хугрона и уже три оборота исследую космос.

– Разумеется, всё путём, – усмехнулся Егор, – но этому в Обители вас не учат...

– Чему? – удивился шакрен. – В Обители учат всему, существенно расширяя границы познания и тренируя ндаримов.

– Короче, – вздохнул инженер. – Я понял. В обычаи и нравы линдри вас не посвящают.

– Зачем? Чему хорошему они способны научить самрай-шак?

– Ого! Тогда плохому тебя буду учить я, – заулыбался землянин. – Видишь ли, мой шакренский... э-э... Брат, – тоном заядлого гуру продолжал он. – Ребёнок не потерялся. Просто мамашка с папашкой решили не заниматься его воспитанием. Они сочли, что дитё прекрасно обойдётся без них, и отправили его в независимый полёт...

– Как можно! – возмутился Фиримин, не дав инженеру договорить. – Это же беспомощный ребёнок! А они выбросили его, как...

– Не выбросили, – снисходительно поправил Егор, – а отправили искать счастья. Наверное, в другой семье ему будет лучше.

– Какая семья? Это жестокий космос! С опасной туманностью на задворках.

– Так уж? Рядом ведь Ролдон и станция. Смотри, – инженер приподнял крышку и показал дисплей на внутренней стороне. – В кипе запрограммированы координаты, и установлен автонавигатор. Малыша элементарно подкинули.

– Какая разница?! – ярился шакрен. – Твари!

– Это линдри, – пояснил Егор. – Они по сути кукушки.

– Кто?

– Птицы такие, у нас на Земле. Занесены в Чёрную книгу. Подкидывают своих птенцов в чужие гнёзда. Так и линдри собственных чад. Не все конечно, но для них это типично – подбросить ребёнка другим, если не можешь или не хочешь его растить. Так что, у нас подкидыш...

Он изучил дисплей.

– Да, кип направлялся прямо на станцию. Его конструкция не приспособлена для вхождения в атмосферу. Да и ближайшая линдрийская общность на Ролдоне-2. Или же они рассчитывали, что какой-нибудь корабль возле станции подберёт кип, заметив огни.

– Куач*! – в сердцах выругался шакрен. – Дикость!

– Ой-ёй-ёй, – усмехнулся Хрусталёв и скептически поинтересовался:

– А кто воспитывает твоего малыша, пока ты исследуешь космические аномалии?

– Не путай квазар со звездой, – парировал Фиримин. – Я своего не бросал. Мой сари-шак в Гнезде. Я часто навещаю его. Таковы наши обычаи. Пока я исследую космос, о моём детёныше заботится старший родитель. Когда-нибудь я осяду, и буду также воспитывать потомство!

– Ладно-ладно, заботливый папаша. Не распаляйся. У линдри свои привычки.

– Всё равно не понимаю, – расстроено вымолвил самрай-шак. – Как она могла? Так долго вынашивала, ждала... И в космос!

– Это линдри-то?! – рассмеялся Егор. – Плодятся как кролики, и нету на них удавов. Раньше-то были гатраки, а теперь...

Фиримин помрачнел ещё больше, с жалостью поглядывая на ребёнка. Он знал, кто такие кролики и... удавы. Землянин лишь посмеивался.

– Возможно, это и дико. Для нас. Но, повторяю – таковы линдри... Вот как долго чаримвей вынашивают потомство самрай-шак?

– В среднем пол оборота.

– Месяцев пять-шесть, – перевёл Хрусталёв. – А этим хватает полторы фазы, и всё – пирожок испёкся.

– Их пекут как пирожки? – шакрен решил, что бредит. Так частенько случалось во время разговоров с землянами. – Или кормят пирожками...

– Младенец готов, – расхохотался Егор. – Так у нас говорят. А по большому счёту, это и правда выглядит как пирожок...

– Как это?

– Линдри рождаются в коконе и развиваются в нём ещё фазу, пока он не раскроется. Как сейчас. А за это время родители прикидывают, нужен им ребёнок или нет... Будучи уверенные, что отпрыск адаптируется в любой среде и не особо переживая, нужны ли они ему. И тут-то они правы.

Инженер подмигнул спящему младенцу.

– Занятная получилась начинка у линдрийского пирожка.

– Безответственные и чёрствы твари, – непримиримо высказался Фиримин.

– Легкомысленные и вольнолюбивые приспособленцы, – возразил Егор. – Это же линдри... Смотри-ка, проснулся!

Младенец неожиданно открыл мутные со сна глазки, будто почувствовал, что говорят о нём. Настороженно и почти осмысленно посмотрел на учёных, склонившихся над его колыбелью.

– Эй! Крошка Ру, – улыбнулся Егор. – Что нам с тобой делать, малыш?

Ребёнок скривил губки, и сморщился, явно собираясь разреветься, но затем словно передумал, и, поймав улыбку на лице шакрена, открыто и невинно улыбнулся ему в ответ. На правой щёчке линдрика образовалась трогательная ямочка, и сердце Фиримина не выдержало.

– Ты как знаешь, – решительно заявил он, обращаясь к землянину, – но у меня рука не поднимается вышвырнуть его за борт.

– А куда мы его денем? – растерялся Хрусталёв. – Я не привык возиться с младенцами. У меня своих нет... Запакуем обратно и все дела. В кипе он снова уснёт и проснётся уже на станции.

– Нет! – твёрдо сказал Фиримин. – Теперь мы в ответе за него, хочешь ты или нет. Возьмём с собой. На базе есть линдри и даже... Как это по-вашему?

– Девочки, – Егор расплылся в улыбке. – О, девочки! Девочки-линдри – это восторг! – и внезапно погрустнел. – Пока не окуклются... А там такое может вылезти из кокона!..

Он покосился на малыша.

– Это мальчик, – напомнил ему шакрен.

– Ну-у, этому до окукливания ещё оборотов двадцать-двадцать пять. И, да, он – мальчик. Его сюрпризы нас не касаются. Пусть сперва подрастёт... Ладно уж, мать Тереза.

Землянин поднялся и выразительно глянул на Фиримина.

– Под твою ответственность, герой! Пока что закроем. Чтобы не куксился дорогой. Есть захочет, а кип покормит, согреет и... Очистит ана-подгузник.

Он улыбнулся младенцу, потянулся за крышкой миди-кипа и заодно похлопал шакрена по плечу.

– Добро пожаловать в большой космос, детка!

Но Фиримин конечно же не воспринял это на свой счёт, сочтя, что земляне так успокаивают детей.

Ребёнок кряхтел, протестуя, пока инженер настраивал систему жизнеобеспечения кокона. Но вскоре затих и уснул...

Учёные поместили кип в защитное поле и вернулись в рубку. Там они сделали контрольные замеры пространственных изменений, сверили показания и не обнаружили ничего интересного.

– Оставим метку, – предложил Фиримин. – Потом вернёмся.

– Дельная мысль, – с готовностью подхватил Егор и забросил к месту эксперимента спутниковый маяк.

Затем они сразу взяли курс на исследовательскую базу, дрейфующую сейчас за плотным шлейфом туманности. По пути Егор размышлял о неудачном опыте и анализировал ошибки. Фиримин думал о необычной находке...

Если бы они не были столь увлечены и задержались бы ещё чуть-чуть, немного понаблюдали и повторно сканировали область предполагаемой точки, то обнаружили бы небольшое магнитное колебание, уплотнение пространства и заметили едва уловимую пульсацию. Пульсация усиливалась, поглощая спутник-метку роем мерцающих пылинок. Число их неуклонно разрасталось, медленно, но верно достигая критической массы...

Примечание:

Миди-кип* или кип – контейнер с жизнеобеспечением, предназначенный для транспортировки коконов с детёнышами линдри в космосе.

Куач* – неприличное шакренское ругательство, неперебиваемое на другие языки, но выражающее крайнюю степень презрения.

Дар Шакренар* – центральная Обитель Шакрениона.

Самдакиры* – учебные филиалы Обители.

Сезон 1. Вихрь неизбежности

*Джамрану всегда говорит «может быть»,
а если джамрану говорит «да» или «нет»,
то это не джамрану.*

Кредо джамранской дипломатии (укороченный вариант)

Звёздная дата – 1.1. Испытания

1.1.1. – Инструктаж!

Гром среди ясного неба! Или попросту обухом по голове... Что предпочтительней? Женке выбирать не пришлось. Ей не дали ни времени на раздумья, ни пути к отступлению. Хотя Рэпсид прибыл на Серендал раньше назначенного срока. До конца третьего этапа оставалась ещё целая фаза.

– Понимаю, тебе невтерпёж, – поддразнивал Талех. – Но пролетит, и не заметишь.

– Ой-ой, да тебе самому не терпится. На что спорим?

– Нарываешься? Вот я тебе устрою!

– Ага, испугалась!

– Если боишься, можно продлить ожидание ещё на год, – коварно улыбнулся будущий муж. – Серендалский.

Но Женя на провокации не поддавалась. Она давно знала, что серендалский год-оборот в три раза длиннее стандартного астрономического цикла. Более того, надеялась с удовольствием прожить его на Серендале. После бракосочетания. А команда Рэпсида уже сейчас неплохо устроилась на курорте.

Какое это счастье! С корабля плюхнуться в море. Целую фазу плавать и загорать, валяясь на песочке, после опостылевших кают и бассейна. Ещё вчера болтался в космической пустоте, где за иллюминатором холодные звёзды. А сегодня – солёные брызги волн, зелёные блюдца островов и тёплое сияющее небо в разрывах облаков...

Не все предпочитали такой отдых. Кое-кто, сразу как получил открепление у капитана, смотался восвояси. То есть, и дальше бороздить космос на своё усмотрение, до следующей возможной экспедиции. Агрэгот, Фиримин и Хрусталёв. Агрэгота ждали астероид, Свэдэнор и когорта. А непоседливых учёных, по их же словам, «научные поиски и эксперименты» на международной передвижной исследовательской галактической базе конгломерата – МПИГ БК-3. Таковая, как выяснила Женка, существовала ещё с начала второй эпохи и перестраивалась три раза.

– Наш курорт начнётся после, хм... свадьбы, – пообещал Талех, перехватив Женкин прощальный взгляд вслед улетающим товарищам.

Почему-то из уст джамрану слова «курорт» и «свадьба» прозвучали как-то неприлично...

– А сейчас – подготовка, и ещё раз подготовка, к четвёртому этапу.

Ага, теперь понятно почему...

Выяснилось, что Женя и не представляла себе, что такое подготовка к четвёртому этапу по-джамрански. То есть, опять совершенно ничего не знала о жизни в «современной галактике».

Вскоре после прибытия, и увольнения экипажа на планету, будущие супруги отправились в центр генетического контроля, где им полностью блокировали ген-переводчик на длительный срок.

– Теперь всё по-джамрански, – пояснил Талех.

И Женя отлично его понимала. Сандер оказался превосходным учителем, и к концу экспедиции они часами болтали на языке джамрану. Если бы подготовка заключалась лишь в этом, то Женка бы только радовалась возможности попрактиковаться, но... Говорить требовалось в рифму. По возможности. Когда к ней обращался Талех... Но и это, как выяснилось, не смертельно. Особенно после того, как Евгении открылась страшная правда о джамранском

браке. А просветил её Сандер, в ходе заключительного инструктажа. То есть, до того дня был лишь предварительный.

Он проходил неофициально – в поднебесной вилле Каримера. Сейчас там никто не жил, и Глава опекунского Совета любезно предоставил загородную резиденцию будущим супругам и Сандеру. Морголина ночевала дома, а подопечных навещала днём, выкраивая время между походами по магазинам, салонам и светскими раутами. На Серендале опекунша пребывала в своей стихии и выполняла обязанности спустя рукава. Сандер ворчал, для виду. А на самом деле ситуация всех устраивала.

Втроём, без посторонних, они спокойно расположились на плоской вершине пирамиды в беседке с прозрачной крышей. Пили послеобеденный чай, любуясь проплывающими мимо, в вышине и под ногами, пушистыми комьями облаков. Вершину обдувал ветерок, а небо над беседкой сияло, переливаясь радугой в разноцветных хрусталиках купола... Морри занятая собой в ГМИ-салоне как всегда опаздывала. Наверняка ей подкручивали ресницы...

Всё так поэтично начиналось!

И Сандер начал издавдалека, по давней джамранской традиции:

– Джамрану не говорят с иномирцами о семейной жизни. И в гала-нете лишь поверхностная информация.

Женька от нетерпения грызла ложечку, крошила булку в пасту и кидала на опекуна пламенные взгляды.

«Не тяни кота за хвост!» – хотелось воскликнуть.

Но тот был неумолим и крайне обстоятелен.

– Как тебе известно, отношения между полами в джамранском обществе исключительно равные.

– Ухум-гу, – подтвердила Женя, на смеси джамранорусского диалекта, изобретённого ею тут же.

– У джамрану ведущими признаны не половые различия, а ролевые и субординационные. Каждый в течение жизни выбирает роль по вкусу и приобретает статус в силу таланта и склонностей. Пол не имеет значения.

Евгения кивнула.

– Таким образом, в джамранском мире, изначально и в целом, не существует мужских или женских ролей. Генетический обмен осуществляется на равных условиях.

– Это мы уже уяснили, – Женя намекнула, что пора бы перестать ходить вокруг да около, пока Талех задумчиво созерцал облачные дворцы.

«Зачем он туда смотрит?»

– Но в семейной жизни всё непросто, – прозвучало не то, чтобы неожиданно, но довольно неутешительно.

– Роли совмещаются и переплетаются. Это происходит с того момента, как между женщиной и мужчиной возникает страсть, постоянное влечение и генетическая связь.

«Хм... Любовь, значит».

– Тогда на первый план выступают половые различия. Сила и желание мужчины защитить женщину, оберегать и обладать, а у женщин – капризность, загадочность и нежность. Но генетические партнёры остаются равноправными. В супружестве правила меняются...

Талех нахмурился, а Женя занервничала, заёрзала и уронила ложку...

«Почему он смотрит туда, а не на меня?!»

Упавшая ложка канула безвозвратно... Дерзкий ветер, словно из озорства, окончательно растрепал Женьке причёску...

– Супружеские отношения специфичны... – пояснил Сандер, наблюдая, как Женя борется с облепившими лицо прядями...

Джамранским шевелюрам всё нипочём. Волосы как мягкая проволока...

– ... И четвёртый этап – это ещё и генетическая дуэль. Поединок генотипов за право доминировать...

Женя вздрогнула, икнула и уронила вторую ложку, а Талех наконец взглянул на неё. Спокойно и чуть вызывающе. Сандер выжидающе прищурился.

– Что-что? Повтори! – до Жени резко дошёл смысл его слов.

– Я и раньше тебе говорил...

– Не припомню.

– Говорил. Языковые нюансы...

– Рахх*! – вмешался Талех. – Аи-двапп-идхии*...

«Вот тебе и заменитель кошачьему хвосту, – изумилась Женя. – И такой короткий».

– Повторяю. Четвёртый этап – это поединок за право доминировать. В результате, либо победит сильнейший, а другой примет своё поражение и добровольно ему подчинится. Либо проигравший не смирится со своей участью и воспротивится. В этом случае четвёртый этап признают недействительным. Партнёрам продлят третий этап, чтобы они разобрались в себе и в отношениях. Некоторые сразу расстаются или продолжают сохранять партнёрские связи, не стремясь к браку...

Женя сидела оглушённая. Талех испытующе смотрел на неё. Сандер ободряюще улыбался.

– Это ещё не всё.

Евгения миглом ухватила мысленно за эту соломинку.

– Так...

– Чаще всего не побеждает никто, и в семье устанавливается равноправие.

Она бы вздохнула с облегчением... Если бы не знала подноготную Талеха.

– Я тебя шокировал?

– Не очень.

Женя обвиняюще уставилась на будущего супруга.

– Зачем ты мне лгал?

– Разве я лгал? – удивился командор. – Мы об этом почти не говорили.

– Почему?

– Джамрану это так просто не обсуждают.

– Но я – землянка! – она хлопнула ладонью по столу, так, что зазвенели чашки и блюда.

– А выходишь замуж за джамрану, – напомнил Талех. – Я учил, испытывал тебя и, если пожелаешь... У тебя будет шанс победить.

– Да ну!? – Женя выкрикнула это по-русски и попыталась выровнять дыхание. – Я же понимаю, что мне в любом случае не победить... Так?

Она посмотрела ему в глаза. Там мерцали звёзды... И Талех выдержал её взгляд.

– И равными нам не быть...

– Нет.

– Такова твоя стратегия? Этого ты хочешь?

Он молчал.

– Стремишься доминировать?

Женя с трудом в это верила. Невольно вспомнилось, как Талех не позволял жалеть его, не допускал снисхождения к себе, командовал, соблазнял и... Убеждал в привлекательности чужой власти, побуждая довериться ему и покориться... Нет!

– Эр-ву*! – она совершенно вышла из себя.

Талех и бровью не повёл, чуточку иронично улыбаясь. Но внезапно ей почудилось, что в звёздных зрачках мелькнула досада. Лишь на секунду...

– Бесплезно, – ответил за него Сандер. – Он не скажет. Ему нельзя говорить. Вам обоим запрещено объявлять друг другу о своих намерениях. Они должны оставаться тайной, до вре-

мени. Предполагается, что вы достаточно изучили друг друга на предыдущих этапах. Вам придётся выяснить окончательно и принять это в ходе брачной церемонии. И поступить соответственно. Согласно готовности. Или не принять...

«Откуда я знаю, к чему готовиться, – сокрушалась Женька. – Всё так запуталось... Невероятно!»

Молчание вновь воцарилось за столом. Ветер стих, а чайник пришлось заново подогреть...

– Я вовремя? – беспечно осведомилась Морголина, неожиданно возникшая на пороге беседки, поправляя модную в этом сезоне накидку и усаживаясь на мягкий стул. – Кто мне нальёт чаю?... Сандер? Не затруднит?

Опекунша вела себя подозрительно дружелюбно. Опекун вздохнул и потянулся за чашкой.

«Теперь ясно, к чему на Серендале роняют столовые приборы, – мрачно решила Женя. – К приближению хищной туманности по имени Морри».

Она спешно поискала глазами вторую ложку.

«Эста-хон*!.. Не слушается. Придётся самой поднять... Срочно*!»

Пока ещё кто-нибудь не нагрязнул. Не вовремя...

Примечание:

Рахх* (джамр.) – продолжай, делай ещё, действуй.

Полная форма рах-хон – продолжай немедленно.

Хон – повелительный залог настоящего времени. Используется для ускорения действия.

Аи-двапп-идхии* (джамр. приблиз.) – не вытягивай жилы (фразеологизм).

Аи – неопределённая частица в джамранском языке, иногда означающая отрицание.

Двапп – жила, канат. В составе с частицей «аи», а также «идх» (протяжённостью множественного числа) означает буквально – «не вытягивай жилы». То есть, приблизительно – «не медли», «не тяни».

Повелительная форма «Рахх-двапп-идхии» (укор. Раппидх) – хватит тянуть (медлить), поспеши. Налагает запрет через побуждение (речевая инверсия).

В значении «идх*ии*» – растянутый (двойной) звук на конце передаёт интонационную протяжённость. В джамранском языке пишется одной буквой.

Эр-ву* (джамр., укор. вариант) – отвечай.

Эр – теперь, сейчас; вувари – говорить, разговаривать, вув – сообщать.

Эста-хон* (джамр. приказная форма) – встать. Эстах – сокращённая версия.

«Эста-хон*!.. Не слушается. Придётся самой поднять... Срочно*!» – лингвистическая шутка, игра слов.

Эс – поднять, эста – подняться.

В сочетании с временным повелительным залогом «хон» слово «эстах» переводится с джамранского, как глагол управления – «встать, встань, поднимись».

Более полная изначальная версия значения «эста-хон» – немедленно подними нижнюю часть тела с насиженного места.

В интерпретации Жени: «Оторви свою задницу от стула».

1.1.2. – Земляне не сдаются!

Талех был настроен победить. Женя в этом и не сомневалась.

Накануне знаменательного дня она долго не могла уснуть. Вертелась, крутилась, наматывая на себя одеяло, и пялилась в потолок. Старалась не думать, что за стенкою делает Талех.

«Спит как медведь в берлоге! Только что лапу не сосёт»...

Евгения невольно прислушалась.

«Нет! Ну как так можно?! Дрыхнуть перед самым ответственным днём!»

Она таки уснула и проснулась с тревожными мыслями. Утро неумолимо забрезжило, и важный день наступил...

Вот они стоят в переходе на брачную арену, облачённые в свободные одеяния с разрезами в нужных местах... Глашатай джамм зачитывает брачный приговор... То есть, договор.

От волнения Женя почти ничего не видит, едва различая движущиеся тени под куполом круглого амфитеатра...

«Свадебный «Колизей»», – внезапно приходит на ум.

Почему-то темнеет. Она теряет ориентацию и наугад движется куда попало. Резко вспыхивает свет. И Женя обнаруживает себя, стоящей посреди брачного подиума в центре раскрытого цветка... Кто-то хватает её и опрокидывает на спину...

«Талех!»

Его лицо постоянно меняется, ускользает... Только глаза вспыхивают янтарным огнём. Отовсюду слышатся зловещие шепотки. Джамрану – изменчивый и чужой возвышается над ней... Костяные шипы вырываются из локтевых суставов, топорчатся острыми концами на предплечьях, пугающе украшают лоб... Крик застревает в горле. Лепестки подиума медленно смыкаются, отрастив на краях тонкие как иголки зубы. В одночасье Женька становится пленницей хищного растения, находясь во власти джамма, одержимого генетическим обменом... Иголки превращаются в крючки и цепляются за ритуальные одежды, царапая похолодевшую кожу...

«Ааааааааа!»

Женя подскочила в постели, всё ещё окружённая видениями из жуткого сна. Разноцветными кляксами кошмары подступали к кровати, пока глаза не привыкли к темноте... Мало-помалу вернулись привычные очертания комнаты, с потонувшими во мраке углами и силуэтами мебели.

«Приснится же всякое!»

Сон казался таким реальным, что от ужаса пересохло во рту. Евгения схватила из ниши у изголовья стакан с водой и выдула залпом. Отчётливо лоя каждый удар сердца. Биение в груди понемногу замедлилось, дыхание выровнялось.

«Нервы лечить надо!»

Темень стояла за окном. Только лучи фонаря с балкона проникали в комнату сквозь неподвижные полоски занавесей. Рассеивались пятнами, падая на пол и простенки. Безветренный мир, охваченный дремой, расслабленно погрузился в тишину.

«Всё останавливается, когда мы спим».

Странное чувство нереальности наяву. Женя отбросила покрывало, встала и босиком прошла на балкон, отёрнув узкие занавески. Безмолвная ночь. Тёплый воздух, едва уловимо пахнущий пряностями...

Звёзды над Серендалом выглядели фантомными кругами. Затуманенные естественным атмосферным фильтром... Непривычно, но загадочно и красиво. Кольца, оборванные по краям спектра, тускло мерцали, как за чёрным пупырчатым оргстеклом.

Женя приблизилась к краю и прикоснулась к перилам. Неведомый материал, – то ли камень, то ли пластик, – приятно охлаждал пальцы. Вниз спускались выступы пирамиды и пропадали во тьме. Город вдали переливался огнями. Несколько светящихся точек отделились, пролетая под застывшими дугами поднебесных арок. Полуночные гондолы...

– Не спится? – на балкон вышел Талех.

Будущих супругов поселили в соседних комнатах с общим балконом. Если в этом и прятался джамранский потаённый смысл, то Женька чересчур утомилась от джаммовых намёков и аллегорий, чтобы его искать. Её просто всё устраивало...

Она обернулась.

– Тебе тоже?

– Я что-то слышал, – пояснил Талех, – сквозь сон. Кричали?

– Это я, – смущённо ответила Женька. – Мне снился кошмар.

Он стремительно пересёк балкон и остановился рядом, беспокойно разглядывая её. Ладонь командора легла на перила, чуть касаясь мизинцем Женькиной руки. В свете фонаря пальцы джамрану казались неестественно белыми и длинными. Хотя Евгения привыкла к его четырём фалангам, сейчас невольно вздрогнула... Он нахмурился, не сдержался и обнял её так, будто хотел согреть.

– Я не замёрзла, – раздражённо ответила она.

– Знаю... Чувствую тебя. Ты не должна бояться.

Евгения не ответила.

– Поговорим?

– Смотря о чём.

Она резко вывернулась, прислонилась к перилам и заглянула ему в лицо. Талех улыбнулся.

– Я сумею оградить тебя от кошмаров.

– Генетически?

– Пойми, – он снова привлёк её к себе. – Джамрану равны от рождения, а статус приобретается по мере становления в социуме. Но даже чёткая иерархия и строгая субординация не подразумевает генетического доминирования. Различия в генотипах. Взрослые джамрану делятся на рецессивов и доминантов.

– Ты говоришь о доминантных и рецессивных генах?

– О производном неравенстве... Сила генотипа проявляется с возрастом, точнее в процессе активного генетического обмена. Итог – брачный поединок, где и определяется доминирующий генотип.

– Всюду генетические заморочки, – пробормотала Женька, утыкаясь ему в плечо. – Без них никак?

– Нет, – он крепче прижал её. – Наш вид – результат генной инженерии. Для поддержания генетического здоровья расы, контроль над искажёнными генами необходим...

– Как бы ни так! – взвилась Женька, почти оттолкнув его. – Рецессивный не означает дефектный.

– Я этого не говорил, – нахмурился Талех. – У джамрану многоуровневая ДНК. На одном уровне рецессивный определяется как скрытый, а на другом, как слабый.

– То есть, детям передаются гены доминантного родителя?

– Обоих родителей. Лучшее из генофонда брачного кристалла. Но ведущими становятся гены доминанта.

– Однако большинство браков – равноправные.

– Кто тебе сказал?

– Сандер.

– Он тебя обнадёжил. Только половина... Джамрану не идеальны.

У Женьки как-то не укладывалось это в голове. Разве что одно – Талех определённо далёк от идеала.

Он настойчиво притянул её обратно.

– Не забывай. Мы – реформисты, а не традиционалисты. У нас сарх-кенох*. Всё не так уж и страшно.

Последние слова прозвучали с иронией.

Как там у традиционалистов, Евгения и представлять не хотела. Хорошо, что Талех не традиционалист.

– Зато у рецессивов свои преимущества.

– И какие? – язвительно спросила она. – Их носят на руках и кормят с ложечки?

Он рассмеялся.

– Размечталась!.. К примеру, от них не требуют сатисфакций.

– Какое счастье, – фыркнула Женька.

– Рецессив подчинён только своему доминанту. И ровня всем остальным. В обществе он занимает обычный статус, и может повысить его, если захочет.

– Я не джамранка, – напомнила Женя. – Мне тяжело раздвоиться.

– Тебе и не надо. Оставайся собой.

– Ага... А если, скажем, встретятся два рецессива?

– Скорей всего, они будут равноправны в супружестве и произведут сильное – доминантное потомство. Все дело в сочетании генов. А слияние слабых генотипов зачастую даёт ошеломительные варианты.

– А если доминанты сойдутся?

Жене почудилось, или Талех задержал дыхание, сжал на мгновение ладонь на её талии и отпустил...

– Тогда... Поединок бывает жарким. И... Либо ничья, либо одному приходится смириться. Всё относительно – один доминант может стать рецессивом более сильного доминанта. И не факт, что у них будет доминантное потомство.

– Бррр...

Она совершенно запуталась!

– Не забивай этим голову, – посоветовал Талех, указывая на горизонт. – Лучше посмотри туда. Светает...

Фонари на балконе постепенно тускнели и гасли. По кайме горизонта неспешно вспыхивали зарницы, сливаясь в ярко оранжевую полоску... На Серендале рассветало не так как на Земле... Вскоре нижняя линия потускнела до жёлтой, а выше загоралась другая, намного ярче... Так, чередуясь полосками, восход поднимался к зениту, словно кто-то зажигал по частям громадный полосатый светильник...

Так Женя с Талехом и стояли в обнимку, пока рассвет не зажётся у них над головами, и небо засияло, разом осветив панораму: ступенчатое основание пирамиды, покрытые облаками впадины и затянутый прозрачным маревом город...

– Всё, – объявил командор. – Пора собираться. Каример обещал выслать за нами вихтрак*. Поторопись!

«Ну вот! Ещё не муж, а уже норовит подоминировать».

Талех разжал руки, Евгения отодвинулась от него и серьёзно заявила:

– Я не стремлюсь доминировать. Но учти, без боя не сдамся.

Лёгкая улыбка тронула его губы.

– На то и рассчитываю. Я не намерен играть в поддавки.

Через час гондола доставила их в Театр бракосочетания на телепатическую экспертизу к Каримеру. Заходили по очереди, как и полагалось. Талеху выпало идти первым, а Женя осталась ждать в пустом полутёмном коридоре с неработающими фонтанами кислородных шариков. Она волновалась, конечно, несмотря на заверения Сандера в лояльности Каримера. Вот так Морголина и застигла её врасплох...

Опекунша коварно явилась раньше назначенного срока. С улыбкой на выхоленной ГМИ-добавками физиономии, она вместо приветствия цапнула подопечную за руку, корябнув

запятье ухоженными коготками. Женя на мгновение запаниковала, вспомнив ночной кошмар... И невольно вообразив Морри в облике джамма...

– Поздравляю!

– С чем?

– Ты ухитрилась дойти до четвёртого этапа.

– Спасибо.

– Рано радуешься, – усмехнулась Морголина, поблёскивая глазами.

– Пусти, – Женька с силой вырвала руку и, морщась, потёрла кисть.

От джамрану не так-то просто избавиться...

«Ну вот... Теперь будут синяки!»

– Ещё не поздно отступить... Представь, это на всю жизнь! Талех доминант... Какой ужас! Полный генетический контроль. Захочет в облике джамма или джаммогатрака и будешь как миленькая. А он всегда хочет. Гатрачья порода... – опекунша брезгливо скривила губы. – И генетический обмен всякий раз на его условиях.

«И чё она меня страшит?! Достала!»

Женя призадумалась. Вот Морри – наверняка доминант. Поэтому её так колбасит от Талеха. Она хотела доминировать, но понимала, что с его ДНК это невозможно... Самое время подразнить опекуншу.

– О, ты не в курсе? Гатраки хотят всего один раз, от силы два... И совсем не того. А постоянно хотел только Фрэгдэнор и плохо кончил. Так что, нечего сваливать с больной головы на здоровую.

Женька ещё малость подумала, пока опекунша, скептически приподняв бровь, осмысливала её ответ, и одарила Морри блаженной улыбкой. Морголина насторожилась.

И правильно сделала.

– А что, – продолжала Женя, – что плохого в желаниях Талеха? Я ведь не против и... – она невинно посмотрела на опекуншу. – Мне не обязательно самоутверждаться и доминировать над кем-то, в отличие от тебя, чтобы чувствовать себя полноценной.

Морри открыла рот и неизвестно, что бы оттуда вылетело, но в этот момент дверь карьеровского кабинета отворилась, и...

– Случилось что-то? – поинтересовался Талех, увидев хмурую Морри.

– Ничего, – опекунша поджала губы.

– Вот и прекрасно... Твоя очередь.

Командор посторонился, пропуская Женю и придерживая для неё створку. Женька юркнула в приоткрытую дверь, радуясь возможности сбежать от разгневанной Морголины.

Глава Совета снова очаровал Еву.

«Неужто Каример приходится родственником Морри? Или его усыновили в детстве... Нет. Скорее удочерили Морголину. Она больше смахивает на паршивую овцу.

Женя хихикнула.

– Смеёшься? – улыбнулся Каример. – Это хорошо. Присаживайся.

Из пола выскочило кресло, призывно растопырив подлокотники.

– Это недолго...

Женя с неохотой покидала Главу опекунов, получив вдобавок к хорошему настроению, массу полезных советов и напутствий. Вздыхая, вернулась в коридор, где её и поджидал опекун.

– А где Талех? И...

Женя недоумённо огляделась.

– ... Морри.

– Талех уже готовится, – ответил Сандер. – По традиции его отводит Морголина, а я – тебя.

«Значит, теперь и Талеха обрабатывает».

- Пошли?
- Куда? – она неожиданно испугалась.
- Переодеваться! И на брачную арену. Там вы с Талехом и сойдётесь.
- «В страстном поединке... – добавила от себя Женя. – Ага».

Примечание:

Сарх-кенох* – сообщество равных (буквально, джамр. укор. вариант), то же, что и демократия, только по-джамрански.

Сарх – совет, собрание, сообщество; кено – равный, равноправный, равнозначный.

Вихтрак* – воздушное транспортное средство Серендала похожее на гондолу.

1.1.3. – Эр ру-джамрану! Теперь по-джамрански!

– Афоро*, – шептал Талех. – Смотри на меня, эт-жанди*. Только на меня.

Она смотрела и погружалась в таинственную глубину звездных зрачков, где крутилась разноцветной спиралью многомерная цепочка ДНК. Как Талех это делал, Женя и не представляла... Особенно лёжа навзничь посреди ритуального подиума.

Талех удачно расположился сверху, закрывая весь прочий обзор... Умышленно ли? Невольно?.. Мысли читать Евгения не умела, а думалось здесь с трудом... Талех лихо обошёлся без приготовлений, уговоров и прелюдий. Горячо поцеловал, побуждая откликнуться, ускорив перенос генов и возбуждая трансдукцию. Женя размякла, от макушки до пяток впад в приятную истому, и он быстро соединился с ней. Когда опомнилась, было уже поздно. Но зато так пронзительно...

«О-о!» – первая Женькина мысль.

«Ого!» – вторая.

Теперь, зная всю подноготную генетического обмена, она не удивлялась, что с позиции джамрану интимности в проникновении гораздо меньше, чем в нежном взгляде, брошенном украдкой.

«Да и правильно! – возникла третья мысль, притащив на хвосте заманчивый поток мыслеобразов. – Чего рассусоливать? А то пока бы собирался... Я б стеснялась и гадала, как выгляжу со стороны... А так... Не до того... Ой! А как это оттуда смотрится?!»

Взгляд лихорадочно заметался по секторам арены, где до самого купола амфитеатра расселись опекуны и опекунши всех поколений и мастей...

– Афоро, эт-жанди, – мягко повторил Талех, уловив её смятение, поймал запястья и придавил артерии большими пальцами.

И остановился, давая ей время привыкнуть.

– О*-варал*... Тхейм л-ланишь а*-хье кирал...

Пульс тотчас же забился в висках... А Женьку распёрло от смеха, так некстати.

«Что ему ответить?! – внезапно она запаниковала. – Чёрт! Брок! Гатрак!.. Нет, не то... Надо срочно исправляться!»

– О-хье шад, а-варал, пээж завирх...э... Интеграл!

Талех изумлённо вскинул брови.

«Ну, подумаешь! Не получилось найти джамранскую рифму».

Всё-таки джаммского доминанта удалось поразить и нейтрализовать. Математика – великая сила! Пока Талех что-то там просчитывал в уме, Женя украдкой изучала членов совета на первых рядах... И никого не различала... Какие там Сандер и Морри?! Опекуны как будто

слились в пёструю безликую и безмолвную массу. То ли от волнения взор застило. То ли кварковые лампы купола окрашивали потоки фотонов, создавая эфирный цветовой фильтр...

«Односторонний?»

– Туда не смотри.

Талех решил, что время истекло, предупредительно качнулся раз-другой и, упёршись ладонями в ложе, принялся вращательными движениями методично сводить Женьку с ума. Медленно, по спирали – вниз-вверх, вверх-вниз...

«Не поддаваться! Ни за что не поддаваться... Ох!»

– П-почему? – Женька впиалась ногтями в гладкое, пока что, покрытие и хватала ртом воздух.

– Им всё равно не до нас.

– Э?..

Она разрывалась между желанием обо всём забыть, подавшись навстречу Талеху, и любопытством пополам с возмущением:

«Так ради какого гатрака мы сюда припёрлись?!»

– Как это им не до нас?!

«Видите ли!»

– Сейчас... Подожди... – он то ускорял, то замедлял темп. – Афоро... Прямо над нами...

Женька подняла глаза и невольно ахнула... Нет, в куполе они не отражались. Зато прямо над подиумом и вокруг ложа появилась объёмная разноцветная проекция. Две отдалённо схожие ДНК – человеческая и джамранская в волнах направленного света.

Так вот что имел в виду Каример!.. Когда называл подиум фотонно-генетическим проектором. Точно-точно! Устройство, смонтированное аккуратно под ними, раскодировало электрические следы молекулярных зарядов и перевело их в фотонные импульсы, посылая изображение через зоны кварков в куполе арены и отражаясь от них в виде цветовой проекции. Как раз для того чтобы опекуны могли без помех насладиться зрелищем: Первое в истории сражение генотипов джамрану и землянки!.. И чьё-то бесславное поражение...

– Так это наши? – неуверенно уточнила Женька.

– Твоя и моя – до наступления комплементарного многоуровневого синтеза, – очень туманно пояснил Талех.

Слово «наступление» Женьке не понравилось. А её избраннику, судя по всему, напомнило кое-что важное. Именно туда он и двинулся. В наступление. Совершенно не церемонясь. Резко усилил проникновение, иницилируя глубокое генетическое сцепление и начало двойственной репликации. Отчего у избранницы дух захватило...

Это надо было смотреть на проекцию!.. Спирали раскручивались, захлёстывая друг дружку цепочками, и вновь переплетались сегментами на первом этапе совместной репликации.

– Загляни в себя. Я покажу, эт-жанди... Мерхат хад, хаддар амерран лин, а зух силвидирр архан... Рамаджь сиридах авь-хьин...

Рифмы пропитывали кожу, бойко разносились кровью, проникали в каждую клеточку. Будоражили и увлекали. И ничего более завораживающего ранее Женька не испытывала... Талех передавал ей гены, отвечающие за генетическое зрение. Она растворялась в звучании, а цепочки бешено извивались и множились в ритме линдрийской тамарги, подобной латиноамериканскому танцу...

Женька забылась в плену образов и вскрикнула от неожиданности – Талех чувствительно прикусил ей мочку уха, шепча любовный стих и раскачиваясь в такт. Пальцы джамрану скользнули в прорези одежды, настойчиво коснулись изгибов и прочертили замысловатые узоры на разомлевшей коже. Женькины цепочки покрылись сетью звёздочек, засияли и доверчиво при-

льнули к талеховым. ДНК джамрану с готовностью нанизала их на репликационные вилки, увязывая и встраивая в общую матрицу, прежде чем совершить элонгацию...

«Э! – вдруг опомнилась Женя. – Так от меня ничего не останется! Дудки тебе! Без борьбы не дамся!»

И полагая, что достаточно усыпила бдительность Талеха, обвила его руками за шею и, оттолкнувшись от подиума, перекадилась вместе с ним и торжественно оседлала. Избранник подозрительно не сопротивлялся, а наоборот истово помогал ей... Женька с удовольствием запустила ладони в густую джамранскую шевелюру и больно дёрнула за шелковистые пряди.

– Фе-кхи*! – воскликнул он и стиснул её талию четырьмя фалангами, будто клешнями.

– Соу двидарди*! – коварно парировала она, импровизируя на ходу. – Кех-на л-лаш тарди...

– Рид-жи, эт-жанди... ххар-джи... – уверенно подхватил Талех, усиливая отдачу и агрессивно заполняя удлиняющиеся цепочки трансдуктивными генами...

Рванулся с ложа, легко удерживая избранницу навесу. Стекланный купол опрокинулся всего на миг, и они вновь очутились лицом к лицу... Сидя на подиуме. Талех стиснул Женьку в объятиях, вминаясь каждым окрепшим мускулом в податливое тело землянки. Зато мышечные рельефы джамрану стали жёстче, почти как у джамма или гатрака... Внутри танцующих спиралей, где их разделяла лишь тонкая ткань, Женя оказалась целиком в его власти.

– Эт-жанди... – шептал он, насаживая её на себя мощными, пробирающими до озноба толчками, усиливая и продлевая генетическую сцепку.

Все брачные стишки, что Женька выучила с Сандером, мгновенно улетучились из головы, а рифмы кончились... Осталось одно желание – подчиниться... Немедленно! Упиваясь этими ощущениями до бесконечности, до искр в глазах...

«Нет! – исступлённо думала она. – Да! Да! Да!»

Вот он – триумф доминанта!

«Власть бывает сладкой», – когда-то говорил Талех.

И Женька увязала в ней, как в сладкой вате... Но не липкой, а мягкой и надёжной. Её затягивало всё глубже и глубже. А после началось упоительное восхождение по чудесной полинуклеотидной лестнице к сопредельным вершинам... Женя и не собиралась возвращаться, пока не запуталась в пугающей тёмной цепочке, похожей на колючую проволоку...

«ДНК гатрака!»

Чёрные и серо-зелёные сегменты беспрерывно перекручивались, множились жгутами и картировались внутри джаммовых цепочек, искажая базовый геном джамрану...

Женя мигом вспомнила, что это поединок, а не дискотека.

«Надо ж бороться...».

И сразу запаниковала. Ей мнилось, что битва уже проиграна, из-за нехватки опыта в таких сражениях.

«Поздновато спохватилась!»

Джамрану живут с этим. Чтобы в полной мере управлять обменом, надо родиться джамрану. А она – землянка. И вряд ли способна противостоять.

Женя попыталась освободиться и застыла в нерешительности, вспомнив, что слабость и страх равносильны поражению.

«Но если взбунтоваться и оттолкнуть Талеха... Это провал! Что делать?!»

– Аррэно*, – ободряющий шёпот и ласковое поглаживание кончиками пальцев вдоль позвоночника.

– Что?

– Аррэно, – напомнил Талех, замирая вместе с ней.

«Он мне подсказывает?!»

Это сбивало с толку. Женька заподозрила бы подвох, если бы не... Рифмы! То есть, напрямую – физически конечно не может, но с помощью джамранских стихов... Не это ли ей втолковывал Сандер весь прошедший год? Выходит, она совсем потеряла голову...

«Я смогу!»

Талех посчитал, что поблажек с неё достаточно, передышка закончена и вернул Женю на ложе, чередуя неутомимые вторжения с пылкими поцелуями.

– Рахх-тивар аннор сонорих! – звонко сорвалось с губ в многоцветную тишину...

Никто не шумел, кроме дуэлянтов на брачном ложе. Ни одного шепотка или даже шороха. Опекуны знали – посторонние звуки угрожают супружескому геному на уровне репликации. Могут нарушить картирование и помешать естественному течению процесса. Или же нечаянно переломить ход поединка. Поэтому зрители и судьи молчали, дабы ненароком не вмешаться и не воздействовать на ритмику брачного стиха. А через это и на синтез...

Женя уловила стук метронома, удивилась, а после сообразила, что слушает сердце Талеха. Словно размеренное тиканье ДНК-двигателя Рэпсида, как в день присяги перед вылетом... Как давно это было!

– ... Лод-азэро арххоноррих... – нескладно, но зато в рифму.

Джамранские геномы-захватчики резко перестали делиться внутри земной ДНК.

«Сработало!»

– Рахх-элджа! Эр-хорим дарх эннорим. Рахх-элджа! – поэтический выпад Талеха всё вернул на круги своя. Вернее, на спирали... С явным преимуществом джамранских репликаонов.

– Я не должен поддаваться тебе, – веско произнёс он. – Это против всех правил.

Ей почудилось, или в голосе избранника таки прозвучало беспокойство?

– Соберись... А иначе, не устоишь.

И Талех выпустил хлыст...

– Ку-хиро*! – возмутилась Женька. – Запрещённый приём.

– Не совсем, – не похоже было, чтобы он упивался превосходством. – Особенности генокода – разрешённое преимущество.

И хлыст отправился гулять по сокровенным местечкам, бессовестно щекоча и дразня землянку... Хотелось кричать, умоляя о генетической разрядке-вспышке, то есть, терминации совместной репликации, которой по ощущениям не было равных! Как уверял Сандер... Вместо этого Женя изо всех сил зажмурилась и тяжело дышала сквозь стиснутые зубы, то силясь оттолкнуть, то порываясь обнять.

– Женя! Аи-но ри эзорах... Связь уже не прервать... Афоро!

Талех сжал ей ладонями виски, вынуждая открыть глаза и посмотреть на него. Она взглянула с опаской, втайне страхась увидеть джамма. Но джамрану казался прежним, только зрачки расширились и мерцали, целиком поглотив янтарную радужку... Да чуть-чуть золотом окрасились белки. Смотрел он сурово, и говорил странные вещи:

– Если сейчас подчинишься доминанту, потом у тебя не будет шансов... Это не пустой звук. Связь генетически обусловлена и скрепляется в момент первой совместной репликации. Пока кристалл формируется... Сейчас или никогда! Пока не поздно... Сейчас! Иначе...

Талех приблизил губы к самому её уху и зашептал, нежно перебирая пальцами мокрые у висков завитки... А хлыст тем временем изощрялся отдельно от джамрану, и генетическая отдача становилась просто невыносимой... Женя до слёз жаждала, чтобы он заново реплицировал каждый участок ДНК, завершил обмен и дошёл до конца элонгацию. И они бы вместе наслаждались суперспирализацией, достигнув пика терминации...

Следующая фраза безжалостно отрезвила её:

– Иначе... Глубокий генетический контроль. Наследие джаммов. Твой геном окажется в моей власти. Я испытаю на тебе все генетические средства, какие только не запрещены, а ты не сможешь этому воспротивиться. Рецессиву предписано подчинение. Он генетически лишается

права использовать антигены или защитные геномы против доминанта и агрессивные тоже. Я буду полностью контролировать обмен и регулировать употребление ДНК-препаратов. Твои генокоды окажутся в моём распоряжении, изменяясь ради моего удовольствия. И ты станешь с радостью соглашаться. Потому что рецессивы не отказывают, с упоением и смирением убаюкая доминанта. Только так они сами испытывают удовлетворение. Если я захочу, чтобы ты стала зелёной, в крапинку или обзавелась хвостом, и не одним, то...

Женька негодовала и отказывалась в это верить. А по глазам Талеха невозможно было определить – смеётся он или нет... Инопланетянин! Внеземной разум и чужая негуманоидная логика... Хотя с виду вполне себе гуманоид.

– Я землянка! – возразила она. – На меня ваши геноштучки не действуют.

– Подействуют, – зловеще пообещал он. – Полная комплементарная репликация изменит тебя... Когда победит доминант.

«Зачем он всё это мне рассказывает? – поспешно соображала Женька. – Чего добивается? Запугивает? Неужели? Бред! Если только...

Догадка зародилась подспудно, вырвалась и ошеломила. Как раз в тот самый момент, когда он так красочно расписывал все прелести генетического подчинения...

– Тар-хон! Виджух! Эри! – выкрикнула Женька. – Вер-хон дьюух соэри!

Хлыст потихоньку уполз и спрятался в ладони избранника. А избранницу наградили поцелуем в щёку, как бы подтверждая, что она на верном пути.

– Вер-хон дьюух соэри! – повторила землянка довольная успехом. – Эннори...

И чуть не поперхнулась собственным стишком. Талех каверзно заглушил Женькины рифмы дерзким поцелуем... Внезапно отпустил её и зажал уши... Арену огласил... Звук! Вибрирующий и низкий. Он шёл отовсюду, и от него хотелось сбежать... Женька поискала глазами источник. Безрезультатно. Хотя вибрации исходили откуда-то поблизости.

Что-то явно было не так... Джамрану подскочили со своих мест. Звук расходился, вибрируя низкими тягучими нотами и отдаваясь нытьём в затылке. Беспорядочно колотил воздух, вызывая в дыхании диссонанс.

Опекуны в амфитеатре забегали, перекрикивая друг друга. И Жене передалось их беспокойство... Вроде бы Каример скрылся вон за той дверью с табличкой «Экстренно»... Сандер! Она перехватила тревожный взгляд наставника, и он тоже куда-то умчался... А к ложу подступили охранники-джаммы...

Женька пожалела о берушах, которыми не запаслась. В брачном одеянии не предусматривалось карманов, и ничего не разрешалось проносить с собой... Она повернулась к Талеху, чтобы сказать об этом, и слова застряли у неё в глотке. Испуганно глядя на джамрану Евгения поняла, что никакие беруши тут не помогут.

С Талехом что-то творилось. Что-то до ужаса неправильное. И даже не в шипах, остриями прорвавших ткань, и не в гатракских иглах, отросших вместо волос. Противоестественно выглядело одеяние, выкрашенное бордовыми разводами джамранской крови. Тонкими ручейками кровь струилась из прорезей, сопровождая трансформацию... Это – неправильно!

Но её избранник страдал от нестерпимой боли. Женька обомлела от страха, видя, как черты джамрану исказила мучительная гримаса. Он пытался сосредоточиться и контролировать изменения, а на проекции ДНК гены стремительно деградировали и разрушались. Талех едва справлялся. Только цепочки гатрака помогали удерживать геном джамма от полного распада...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.